

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 141.2

ПОИСКИ ОЧЕРЕДНОГО «-ИЗМА»: К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Сергей Георгиевич Чукин

Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В качестве основания для философской идентификации истории в статье предлагаются способы и формы решения проблемы сложности, под которой понимается количество элементов социальной системы и способы связи между ними. Тип сложности, с которым столкнулось современное человечество на групповом и индивидуальном уровне характеризуется эмерджентностью, то есть отсутствием необходимой каузальной связи между целым и составляющими его элементами. Практикуемый в традиционном и современном обществе способ решения проблемы сложности через её упрощения с помощью редуктивной методологии, неприменим по отношению к эмерджентным феноменам. Постмодерн считал сложность и неопределённость как её следствие нормальным состоянием и отказывался от поиска устойчивых форм единства и целостности. Одним из претендентов на роль современной социальной парадигмы считается метамодернизм, однако предлагаемые его авторами способы решения проблемы эмерджентной сложности, остаются в рамках постмодернистской модели. Более перспективной видится концепция «здорового смысла», анализ которой предпринят в данной статье.

Методы. В работе использовались дедуктивно-номологический и компаративный методы, с помощью которых была определена проблема сложности как главный источник неопределенности и связанных с ней рисков и опасностей. В результате сравнения способов решения проблемы сложности в традиционном, современном и постмодерном обществе выявлены общее и особенное в каждом из них.

Анализ. Проблема идентификации современной эпохи формулируется как противоречие между онтологией социокультурного бытия, которая представлена множеством разно-

родных объектов, не связанных между собой необходимыми отношениями, и отсутствием эпистемологических, логических и лингвистических инструментов для доступа к этим объектам. Выявлены и исследованы характерные признаки современности как нового уровня сложности, рассмотрены предлагаемые в литературе подходы к её организации, дана их оценка.

Результаты. Установлено, что главным онтологическим признаком современной эпохи является достигнутый ею уровень сложности, характеризующийся эмерджентным характером связи между действиями людей и их результатами. Его катализатором выступают цифровая революция и основанные на ней технологии. Поиск устойчивых форм единства, которые необходимы для решения глобальных, локальных и индивидуальных проблем, невозможен без понижения уровня сложности. Одним из решений может стать обращение к концепции «здравого смысла».

Ключевые слова: современность, модерн, постмодернизм, метамодернизм, сложность, неопределенность, эмерджентность, здравый смысл.

UDC 141.2

THE SEARCH FOR THE NEXT "-ISM": ON THE ISSUE OF PHILOSOPHICAL IDENTIFICATION OF THE MODERN ERA

Sergey G. Chukin

Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D. F. Ustinov,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. As a basis for the philosophical identification of history, the article suggests ways and forms of solving the problem of complexity, which refers to the number of elements of a social system and the ways of communication between them. The type of complexity faced by modern humanity at the group and individual levels is characterized by the emergent nature of the events taking place, that is, the lack of the necessary causal connection between the whole and its constituent elements. The method of solving the problem of complexity practiced in traditional and modern society through its simplification using a reductive methodology is not applicable to emergent phenomena. Postmodernity considered complexity and uncertainty as its consequence to be a normal state and refused to search for stable forms of unity and integrity. Metamodernism is considered one of the contenders for the role of social metatheory, however, the ways proposed by its authors to solve the problem of emergent complexity remain within the framework of the postmodern model. The concept of "common sense", which is analyzed in this article, seems more promising.

Methods. The work used deductive-nomological and comparative methods, which were used to identify the problem of complexity as the main source of uncertainty and associated risks and dangers. As a result of comparing the ways of solving the problem of complexity in traditional, modern and postmodern societies, common and special features in each of them are revealed.

Analysis. The problem of identification of the modern era is formulated as a contradiction between the ontology of sociocultural existence, which is represented by a multitude of heterogeneous objects that are not interconnected by necessary relationships, and the lack of epistemological, logical and linguistic tools for accessing these objects. The characteristic features of modernity as a new level of complexity are identified and investigated, approaches to its organization proposed in the literature are considered, and their assessment is given.

Results. It has been established that the main ontological feature of the modern era is the level of complexity achieved by it, characterized by the emergent nature of the relationship between people's actions and their results. Its catalyst is the digital revolution and the technologies based on it. The search for sustainable forms of unity that are necessary to solve global, local and individual problems is impossible without lowering the level of complexity. One solution may be to turn to the concept of "sensus communis".

Keywords: modernity, modernity, postmodernism, metamodernism, complexity, uncertainty, emergence, common sense.

Введение

Подбор наименования-ярлыка для обозначения времени является важным и необходимым шагом в его идентификации, помогает встроить современность в поток истории, выделив её наиболее характерные, специфические признаки. Претендующее на успех название опирается на теорию, чаще всего эстетическую, поскольку художники и теоретики искусства отличаются повышенной восприимчивостью к изменениям, чувствуют «запах тления» на ранних стадиях разложения форм социальной жизни и первыми замечают едва проклюнувшиеся ростки будущего. Для них, а также для философов и обществоведов, которые подключаются к процессу «изобретения» названия позже, целью является новая парадигма, включающая в себя новые средства для описания и объяснения реальности, поскольку прежняя исчерпала себя, её теоретические и методологические ресурсы устарели. Сегодня в такой ситуации оказался постмодернизм, который последние тридцать лет считался общепризнанной междисциплинарной матрицей, задающей направление исследований во всех отраслях гуманитарного и социального знания и оказавшей существенное влияние на реальную политику в большинстве её ответвлений.

Сложность и неопределенность как основания для типологии обществ

Среди эпитетов, описывающих современную ситуацию, самым часто встречающимся, является «неопределенность». Вот некоторые характерные суждения: «Мы живем в эпоху неопределенности»; «ситуация характеризуется неопределенностью»; «нет определенности по вопросу...»; «отношения между сторонами характеризуются неопределенностью». Во всех этих употреблениях «неопределенность» ассоциируется с непонятностью, неясностью, запутанностью, непредсказуемостью, неуверенностью, отсутствием отчетливых границ, и имеет негативные коннотации, таит возможность угроз и опасностей. Её противоположностью выступает «определенность», понимаемая как ясность, понятность, однозначность, точность, устойчивость.

Если исключить высшие силы, то источников неопределенности два: первым является субъект, который не может опознать объект из-за отсутствия необходимых для этого знаний, а другим – сам объект, который еще не обрел свою идентичность, не сформировался, не обладает достаточными и необходимыми для определения признаками. В последнем случае это может быть связано с тем, что он находится в процессе становления или изготовления, на промежуточной стадии, например, в процессе видообразования или химической реакции. В случае с человеческими делами примером может быть незавершенность строительства объекта или создание промышленного изделия.

Неопределенность может быть объяснена новизной ситуации или вещи, когда они обладают свойствами и способностями, которые не могут быть поняты в терминах элементов, из которых они состоят, а у субъекта нет теоретической и методологической компетентности справиться с проблемой. Иногда неопределенность в поведении и отношениях создается и поддерживается намеренно, если участники еще не определились относительно того, что от них ожидают. Особенно это характерно для политики, где интересы нестабильны и категоричность считается признаком непрофессионализма: «да» в устах дипломата означает «может быть», а слово «нет» вовсе отсутствует. В сохранении неопределённости могут быть заинтересованы находящиеся в романтических отношениях люди, еще не решившиеся на определенность или не готовые к ней.

Неопределенность связана со сложностью, является её следствием. В философии Канта сложное и простое как её противоположность образуют вторую антиномию чистого разума: равноценными с доказательной точки зрения являются как утверждение о том, что нет ничего простого, а все сложно, так и утверждение о том, что любая сложность может быть упрощена. Мир как он есть сам по себе, есть такой, какой он есть, а именно – бесконечное разнообразие и многообразие вещей, процессов и состояний. Уже это делает его сложным, если последнее понимать как комплексность, сложенность из множества отдельных элементов.

Поскольку природа всегда была такой, какой она является сейчас, то проблема сложности исходит от человека, который имеет дело не со всем миром, а лишь с той его частью, которая доступна его восприятию, интеллекту и физическим возможностям. Этот мир хотя и сложен, но доступен пониманию посредством его упрощения, сведения к лежащим в его основе общим принципам и законам. В нем действуют причинно-следственные связи, поведение составляющих его объектов в основном предсказуемо.

Философское оформление такого понимания сложности дал Кант, разделивший мир на две части: феноменальный, то есть доступный чувственному восприятию и логическому познанию, и ноуменальный, который лежит за пределами познания и опыта. Он «сузил» мир, сделал его проекцией чувственности, рассудка, языка, культуры, положив тем самым начало анти-реалистическому тренду в философии и науке. Разумеется, феноменальный мир расширяется по мере того, как наука, прежде всего физика, проникает все глубже в материю, открывает новые её элементы, их свойства и закономерности. Собственно, расширяется не мир, но наши знания о ранее неизвестных его свойствах, и это если и является проблемой, то временной, преодолеваемой с помощью имеющихся эпистемологических и практических инструментов.

Решение Канта можно рассматривать как способ справиться со сложностью мира посредством установления тождества между возможностями и способностями человека и миром вне его. Критерием достижения этого тождества является доступность познанию: человек в состоянии организовывать и контролировать только тот мир, о котором он имеет надежные знания. Но такие знания он имеет о том мире, который им самим обозначен и структурирован, то есть сведен к объекту познания. Кант не отрицает существования мира самого по себе, но считает напрасными усилия по его познанию ввиду отсутствия для этого необходимых эпистемологических инструментов. По сути это означает намеренное уменьшение сложности, отказ от необоснованных, неподкреплённых познавательными и практическими ресурсами притязаний. Постепенно, шаг за шагом человечество «расколдовывало» мир, делало его понятным и соразмерным человеку, доступным рациональной организации и контролю. Эта цивилизационная стратегия получила название «проекта модерна».

Модерн как способ решения проблемы сложности

Типы сложности, с которыми он имел дело, были организованы как механизм и организм. Под первым понимают соединение нескольких частей, которые, получая энергию извне, за счет взаимодействия друг с другом обеспечивают преобразование одного вида движения в другой. С механизмами люди имеют дела давно, они усложняются по мере приближения к нашему времени, но принцип устройства и работы остается неизменным. Вот как его характеризует Гегель: «*Механический характер* заключается в том, что, каково бы ни было соотношение соединяемых [объектов], оно чуждо им, не касается их природы, и хотя

бы оно и было связано с видимостью чего-то единого, оно все же остается только *сложением, смесью, кучей* и т. д.» [5, с. 159]. Механизмы создаются людьми для выполнения определенных задач, принцип их работы понятен создателю и пользователю, они доступны разборке, обслуживанию, ремонту, повторной сборке и замене аналогичным устройством. Классическая физика Галилея и Ньютона рассматривала весь мир как большую машину, функционирующую по выявленным ими законам. Механистический подход применялся при объяснении общества и человека.

Организм является более сложным уровнем организации частей в целое. В отличие от механизма, задачу которому ставит его пользователь, целью организма является сохранение себя, и все его части работают на её достижение. Организм формируется посредством ответов на вызовы окружающей среды, приобретая качества и способности, необходимые для самосохранения. Он опирается на собственные, наследуемые ресурсы, способен к адаптации, параллелизму функций. Утвердившись в биологии во второй половине XIX-го столетия, организменная модель стала одной из первых форм натурализма в социальном познании.

Механизм и организм как разновидности сложной системы объединяет то, что в них отдельные части не имеют самостоятельной ценности, их предназначение в том, чтобы служить целому. Мануэль ДеЛанда называет такие системы «бесшовными», имея в виду, что они сплавляются в неразличимое и неразделимое единство с целым [22, с. 184]. Модерн был деспотичен по отношению к единичному и отдельному, не признавал за ними самостоятельного значения, считал несущественными, случайными отклонениями от общего. Это объяснялось тем, что главным инструментом модернизации была наука, имеющая дело только с универсальным в форме законов, принципов и других инвариантов, которые она использовала для упорядочивания действительности, её упрощения и сокращения. Но наступил момент, когда, по образному выражению К. Н. Леонтьева, «атомы шара не хотят более составлять шар» [8, с. 251], и проявляют стремление к тому, чтобы жить самостоятельной жизнью, самим определять, с кем и как смешиваться. Русский мыслитель рассматривал это событие как свидетельство упадка, результат того, что идея, не дающая частям разбежаться в разные стороны, утратила свою цементирующую силу.

Констатация того, что эта сила иссякла, означала завершение «проекта модерна» и возникновение нового вида сложности, такого, при котором действительность представлена множеством автономных объектов, каждый из которых претендует на самостоятельный бытийный статус. Это то, что получило название «ситуации постмодерна», а различные способы и формы её концептуализации известны как «постмодернизм».

Апология сложности в постмодернизме и эмерджентизме

Лозунгом постмодерна стал призыв к утверждению онтологической, эпистемологической, социальной и культурной ценности различия, и принципиальный отказ от поиска

устойчивых форм единства. Сложность постмодерна состоит в том, что образующие его пространство объекты, являются монадами, которые, в отличие от монад Лейбница, не имеют врожденной предрасположенности к общению друг с другом, и единственным их стремлением является сохранение бытийной устойчивости. Для этого они задействуют все доступные им внутренние и внешние ресурсы, вступая в отношения с другими объектами, но лишь в тех формах и способах, которые считают необходимыми. То есть, какого-то интегрирующего центра, обладающего командными полномочиями, не существует. Инициатива исходит снизу, и создаваемые союзы являются ситуационными, временными.

Таким образом, тип сложности, с которой человечество столкнулось в эпоху постмодерна, отличается тем, что исключает упрощение, характерное для редуктивной методологии. Объекты постмодерна – это не механизмы, и не организмы, а нечто новое, то, что Б. Латур назвал «сборками», а М. ДеЛанда – «ассамбляжами». Это целостности, которые, в отличие от органических целостностей, состоят из элементов, часть из которых являются «собственностью» объектов, входящих в состав их видовой оснастки, а часть заимствуются извне, от других объектов, с которыми устанавливаются временные союзы. То есть, действительность мыслится как множество автономных объектов, каждый из которых обладает самостоятельным онтологическим статусом, индивидуальным носителем сущности. Минимум необходимых свойств для сохранения своей устойчивости каждый объект получает в наследство, как генотип, однако его недостаточно для того, чтобы сохраниться в конкретных условиях, которые подвержены изменениям. Поэтому объекты вынуждены вступать в отношения с другими объектами, «добирая» от них то, чего им не хватает для стабилизации своего состояния. ДеЛанда называет реально существующие воплощения сущности «индивидуалиями» [6, с. 17-60], подчеркивая тем самым то, что они представляют собой единство свойств, признаков и способностей, сформировавшихся в ходе генезиса объекта из своего доиндивидуального состояния, и свойств, приобретенных «на месте», то есть из среды, в которой объект оказался. Иными словами, актуальное бытие любого объекта – это его бытие в качестве индивидуального, а значит – случайного – воплощения сущности.

Сложность такого плюрального мира состоит в том, что он утратил целостность, единство: все хотят быть центрами, и никто не желает быть частью. Следствием этого является фрагментированная картина действительности. Физик и философ науки Нэнси Картрайт назвала его «пестрым», и утверждает, что мы живем в мире богатом разнообразными вещами, с разными характерами, которые ведут себя по-разному. Законы, описывающие этот мир, представляют собой лоскутное одеяло, а не пирамиду: «Насколько нам известно, большая часть того, что происходит в природе, происходит по воле случая, не подчиняясь никаким законам. То, что происходит, больше похоже на результат переговоров между доменами, чем на логическое следствие системы порядка. Пестрый мир – это то, что, по большей части является естественным состоянием: упорядоченное поведение является результатом хорошей инженерии» [21, с. 3].

Одно из объяснений сложности современного мира дают сторонники современного эмерджентизма. Они предлагают рассматривать современные формы сложности как самоорганизующиеся системы, которые строятся «снизу – вверх», при этом те, кто находятся на нижнем уровне, – а это уровень индивидов, – не ставят перед собой глобальных целей, а строят лишь свой небольшой «мирок», используя те возможности, которые находятся в пределах их досягаемости и подвластны (по силам) им. Результатом являются целостности, которые, как заметил Стивен Джонсон, «умнее своих частей»: «... они решают проблемы, опираясь на множество относительно бессмысленных элементов, а не на единую разумную «исполнительную власть». Это системы, работающие по принципу «снизу-вверх», а не «сверху вниз». Они получают информацию снизу. Выражаясь более техническим языком, это сложные адаптивные системы, которые демонстрируют изменчивое поведение. В этих системах агенты, находящиеся на одной ступени, начинают вырабатывать поведение, которое находится на одну ступень выше их: муравьи создают колонии; горожане создают кварталы; простое программное обеспечение для распознавания образов учится рекомендовать новые книги. Переход от правил низкого уровня к более высокому уровню сложности – это то, что мы называем эмерджентностью» [23, с. 20].

Постмодерн, своим отказом от централизации, спровоцировал появление большого количества эмерджентных систем, характеризующихся нестабильностью, неопределенностью и наличием более чем один вариантов дальнейшего развития. Просчитать, спрогнозировать развитие ситуации является почти невыполнимой задачей из-за наличия множества разнородных и случайных факторов, выявить каузальный вес каждого из которых не под силу даже современным компьютерам. Участвовавшие финансовые, экономические, политические кризисы, случаются совершенно неожиданно не только для обывателей, но и для тех, кому положено заниматься анализом и прогнозом в указанных областях. Популярный современный автор, биржевой аналитик и специалист в области статистики Николя Насим Талеб утверждает, что в финансово-экономической и политической сферах сегодня большую роль играют необъяснимые случайные факторы, которые он назвал «черными лебедями» [17].

Одним из источников современной сложности является глобализация, создавшая такую запутанную сеть связей, в которой проблемы в одном из узлов могут обрушить всю систему. Подтверждением этого стал мировой финансовый кризис 2008 года, пандемия COVID-19, война между Израилем и движением ХАМАС в 2023 году, падение режима Башара Асада в Сирии в 2024 году. На усложнение социальной жизни оказала влияние цифровая революция, качественно изменившая все сферы жизни общества и индивида, и породившая новые формы коммуникации. Трансформировалась групповая и индивидуальная идентичность, она стала более комплексной, что усложняет принятие решений, выбор жизненной стратегии. Сложность порождает риски и опасности, повышает экзистенциальную неуверенность и тревогу.

Постмодернисты настаивают на том, что эта сложность является нормальным состоянием, а потому её нужно принять как факт, научиться жить в ней, извлекать уроки из ошибок, совершенствовать свой интеллект и волю, одним словом, приобретать качества нищенского человека. Сходный выход предлагают адепты цифровых технологий: отдать решение проблем, являющихся следствием сложности, на откуп искусственному интеллекту (ИИ). Его создание идет семимильными шагами, и уже нынешние его способности являются впечатляющими. При этом его разработчики, констатируя результативность ИИ, признают, что они не знают, как он это делает. Если ученый, добившийся успеха в решении задачи или проблемы, может детально воспроизвести всю последовательность совершаемых им действий, то есть доказать, что его успех не есть следствие везения или удачи, то в случае с ИИ мы имеем дело с «черным ящиком»: на входе в него загружаются необходимые данные, а на выходе получаем готовый результат. Что происходит внутри – неизвестно. Иными словами, ИИ обладает логикой, неизвестной человеку. Может быть *пока* не известной, но не исключено, что эта логика в принципе отличается от человеческой.

В ноябре 2023 года в Великобритании прошел международный саммит по безопасности искусственного интеллекта, в котором, наряду со специалистами, приняли участие высокие должностные лица 28 стран, активно участвующих в работах по созданию ИИ. Выступая на форуме, бизнесмен и политический деятель Илон Маск отметил, что существование искусственного интеллекта влечет «экзистенциальный риск», с которым столкнулось человечество: «Есть некоторая вероятность, выше нуля, что ИИ убьет нас всех», – полагает он [12].

Сложность современного мира, которую нельзя «упростить» иначе, как с использованием ИИ, постулируется как неизбежность. Но так ли это? Если она создана человеком, то почему он не может её контролировать? Может быть подлинной причиной сложности является «ненасытность» человека, его одержимость потреблением? Не может ли решением стать осознанное ограничение развития? Ведь причиной сложности, среди прочего, является избыточность, наличие того, что не является необходимостью. Буддизм, как известно, видит источник страданий человека в том, что тот желает большего, чем в состоянии достичь, и когда не получает этого, испытывает дискомфорт. В упрощенном изложении выводом такого подхода является рекомендация: «Минимизируй желания, живи по принципу «иметь что-то и не хотеть этого – одно и то же». На благополучном Западе набирает популярность дауншифтинг – сознательное упрощение образа жизни на основе пересмотра ценностей, смене приоритетов с материальных на духовные. Его называют философией «замедления» или упрощения. Он не означает отказа от благ цивилизации, но предполагает их ревизию и переоценку.

В проблеме сложности есть еще один аспект, существо которого можно понять, обратившись к истории непростых взаимоотношений науки и церкви. История средних веков в популярном изложении включает в себя главу о том, как христианская церковь расправля-

лась с теми учеными, которые дерзнули усомниться в истинности описания мира и человека, представленной в Священном Писании. Хрестоматийным примером является аутодафе Джордано Бруно и домашнее заключение Галилео Галилея. Однако у этой страницы в истории есть и другое прочтение: подлинной целью Церкви в этом вопросе было не допустить роста знаний о мире, который опережал бы «взросление» человека. Эти процессы должны, по мнению её иерархов, идти синхронно, в противном случае «средний» человек окажется не готовым и не способным распорядиться во благо себе знаниями, которые добывают ученые. Об этом говорится в мифе о Прометее, который пострадал за то, что дал людям знания и умения, которые, по убеждению Зевса, их недостойны. Это же имел в виду один из основателей Римского клуба Аурелио Печчеи. В книге «Человеческие качества» [15], размышляя о природе глобальных проблем, он приходит к выводу, что человек далеко не всегда оказывается равным миру, который он же и сотворил.

Один из адептов новой сложности писатель и футуролог Кевин Келли в книге «Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее», убеждает читателей в том, что технологический прогресс имеет свою логику, которая неподвластна человеческой воле: «Всем технологиям присуща внутренняя обусловленность, которая предполагает их развитие в конкретном направлении, а не в каком-либо другом. При прочих равных условиях законы математики и физики, определяющие динамику развития технологий, склонны опираться на определенные механизмы поведения. Эти тенденции существуют в основном в формате совокупных сил, которые определяют общие контуры технологических форм, но не управляют отдельными единицами или частностями» [7, с. 10]. Келли убежден, что запретительные меры против отдельных технологий бессмысленны, и предлагает подход, в основе которого лежит понимание того, как эти технологии устроены, и как лучше всего их использовать. Однако проблема в том и состоит, что люди, в том числе и те, кто создает эти технологии, не всегда до конца понимают, как они работают, а значит не могут определить способы их оптимального применения. Но главное, что вызывает протест против такого подхода, – это утверждение о неизбежности, которое умаляет человека, заранее ставит его в рабское положение по отношению к машине. По сути, это означает, что усложнение мира ведет к упрощению человека.

Это обстоятельство, а также тот факт, что принципиальный отказ от поиска и установления устойчивых единств и целостностей, сделал человечество уязвимым перед глобальными проблемами, требующими согласованных решений и действий, и лишил индивидов ориентиров для экзистенциального выбора, что стало причиной утраты интереса к постмодернизму. Актуальной задачей объявлена разработка конструктивной программы, ориентированной на поиск оснований единства в этом фрагментированном мире, и содержащей эпистемологические, логические и лингвистические ресурсы для её реализации.

Метамодернистский проект современности

Среди предложенных на замену постмодернизму теорий наибольшей популярностью пользуется концепция мета-модернизма, разработанная философами искусства из Нидерландов Тимотеусом Вермюлленом и Робинот ван ден Аккенот. Они объясняют выбор приставки «мета-» к термину «модерн», тем, что она отражает главную, по их мнению, черту современности – её промежуточный характер: «Онтологически метамодернизм колеблется между модерном и постмодерном. Как проявление компромисса он находится между современным энтузиазмом и постмодернистским настроением, между надеждой и меланхолией, между наивностью и знанием, сопереживанием и апатией, единством и множественностью, тотальностью и фрагментарностью, чистотой и двусмысленностью. Действительно, колеблясь туда-сюда или взад-вперед, метамодерн ведет переговоры между модерном и постмодерном. ... Таким образом, как метамодернистскую эпистемологию (как если бы), так и ее онтологию (между) следует рассматривать как динамику «и то, и другое – ни то, ни другое». Каждая из них одновременно является современной и постмодернистской и ни тем, ни другим [24]. Невнятность этой характеристики Вермюллен и ван ден Аккен попытались уточнить с помощью метафоры «метаксиса», которую заимствовали из платоновского «Пира». Его персонажи обсуждают качества Эрота, который в греческой культуре считался божеством любви, и приходят к выводу, что тот занимает срединное положение между бессмертными и смертными, и его уместнее всего относить к гениям. Предназначение последних – «Быть истолкователями и посредниками между (metaxy) людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказания богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью» [16, с. 112-113]. По мнению авторов нового концепта, нынешнее состояние, в котором оказалось человечество, характеризуется промежуточным, срединным состоянием между полюсами, крайностями модерна и постмодерна. Чтобы сохраниться в этих условиях, человек должен быть постоянно настороже, следить за происходящим, искать пути решения проблем, используя для этого все доступные ресурсы, стараясь быть ближе к центру. «Манифест метамодернизма» начинается с утверждения, что осцилляции являются естественным порядком вещей в мире, а любое движение должно осуществляться посредством колебания между позициями, с диаметрально противоположными идеями, «действующими подобно пульсирующим полярностям колоссальной электрической машины, приводящей мир в действие» [18].

Первые итоги обсуждения метамодернизма показали разброс трактовок и оценок, что не способствует его утверждению в качестве метатеории современности. Да и сами авторы признают завышенность первоначальных притязаний и уточняют, что их задачей было всего лишь предложить новый язык для описания структуры чувств, которая отражает культурную логику современной стадии глобального капитализма [3, с. 40]. Однако, за от-

сутствием других кандидатов, некоторые исследователи считают метамодернизм наиболее подходящим «-измом» на замещение исчерпавшего свои возможности постмодернизма [14, с. 3; 11, с. 94; 19, с. 10].

Обобщенным критическим аргументом в отношении постмодернизма было обвинение его в том, что он является сугубо негативным проектом, направленным на критику и деструкцию господствующего на протяжении последних трехсот лет типа рациональности. Результатом этого господства, по мнению теоретиков постмодерна, стало забвение и маргинализация всего, что этому типу не соответствует. Поэтому свою задачу они видели в апологии Различия и демонизации устойчивых форм единства и целостности. Однако этого недостаточно для того, чтобы быть цивилизационным проектом, каковым был модерн. Необходимо иметь позитивную программу, содержащую предложения по устройству совместной жизни людей, организации различия в какие-то конструктивные формы единства. Этого мы у постмодернизма не находим.

Постмодерн оставил после себя руины целого, которые могут использоваться в качестве временного прибежища, но для стабильной и полноценной жизни необходимо восстановление разрушенного и строительство нового. То, что предлагают метамодернисты, а именно, непрекращающееся метание между крайностями, постоянное напряжение, вызванное неопределенностью и необходимостью отслеживания опасностей и рисков, отсутствие отчетливых и понятных ориентиров, вряд ли может считаться подходящей заменой. Это видение мира глазами художника, отличающееся повышенной чувствительностью к нюансам и оттенкам, которым придается большее значение, чем общедоступным деталям. Позиционируя себя в качестве всеобъемлющего средства выражения, связанного со структурой чувств, отражающих логику современного общества, метамодернисты упускают из виду то, что подавляющая часть людей – не эстетствующие философы и художники, а обычные, «средние» люди. Для них мир – это вещи, явления и процессы, доступные с помощью стандартных видовых способностей, которыми их снабдила природа. Все, что «не от мира сего», воспринимается ими как необоснованное усложнение, приводящее к тому, что реальность оказывается непонятной и неподконтрольной человеку, источником непонятно откуда возникающих опасностей. Выход они видят в возвращении к нормальности в её традиционном, а не постмодернистском и метамодернистском понимании. Это нашло отражение в актуализации понятия «здравого смысла», которое, после долгого периода забвения, возвращается в проблемное поле философии и может, на наш взгляд, претендовать на роль концепта, указывающего направление преодоления сложности современного мира.

Возвращение «здравого смысла» как исследовательская стратегия

В философской литературе понятие «здравого смысла» чаще всего используется в его латинском написании – «*sensus communis*», – и интерпретируется преимущественно в эпи-

стемологическом измерении, то есть как способность суждения об основных и необходимых фактах повседневной жизни, основываясь только на врожденных сенсорных и когнитивных возможностях, без дополнительной рефлексии и аргументации. С точки зрения здравого смысла вещи являются такими, как они выглядят для любого здорового в медицинском смысле человека: «На этом свете всё просто. Потолок белый, сапоги черные, сахар сладкий» (А. П. Чехов).

В качестве стартовой, базовой познавательной способности, с которой человек начинает осваивать мир, «здравый смысл» описан еще Аристотелем, но в римской философии он приобретает еще одно специализированное значение, а именно – «общее чувство», природная человеческая чувствительность к другим людям и к сообществу. Таким образом, здравый смысл представляет собой элементарное ментальное оснащение, присущее большинству людей и проявляющееся в сходном понимании реальности, в способности к конструктивному взаимодействию на основе врожденного чувства эмпатии. О. В. Артемьева полагает, что «*sensus communis*» используется для осмысления человеческого опыта по обустройству реального, непосредственно воспринимаемого мира и включает в себя не только приобретенные в ходе этого опыта знания, но и способы и формы совместного существования [2].

Обращение к «здравому смыслу» можно рассматривать как шаг, направленный на поиск стабильности, определенности, того, что разделяется всеми людьми, независимо от их естественных и культурных особенностей. Это движение к истокам, тому пункту, где общее перевешивает различие, где цели людей естественны, просты и понятны:

Нужды бы не знать и сберечь без бед

Достаток скромный, покой душевный [20, 390].

Здравый смысл обращает внимание на то, что жизненно важные чувства, которые проявляет человек в общении с миром и с себе подобными, являются общими, одинаковыми для всех: боль, удовольствие, страдание, фобии, представления о хорошем и плохом разделяют все люди, точно так же, как они разделяют истину, что дважды два – четыре. Поэтому, общаясь с другими людьми, нужно использовать понятные им слова, жесты, манеры. Эта понятность проистекает из естественности, которая, в свою очередь, соответствует критерию простоты. Цицерон в трактате «Об ораторском искусстве» писал, что, выступая перед толпой нужно говорить на её языке: «нет порока больше, чем уклонение от обыкновенного склада речи и от общепринятых понятий» [10, с. 112-113]. Здравый смысл ассоциируется с признанием общности между людьми, с уважением к человеческой природе, хорошим воспитанием и утонченными манерами. Об этом он пишет Марк Аврелий в своих «Размышлениях», перечисляя, какие достоинства он заимствовал у своего отца. В обобщенном виде они сводятся к здравомыслию, понимаемому как приоритет общей пользы, умеренность, открытость, следование традициям, уважение к людям, скромность [9]. Джамбаттиста Вико видел в «здравом смысле» основу для создания системы международного права: «Воля человеческая, по своей

природе в высшей степени недостоверная, удостоверяется и определяется Здравым Смыслом людей в том, что относится к человеческой необходимости или пользе: таковы два источника Естественного Права Народов» [4, с. 76].

Здравый смысл скептически относится к универсальным истинам и общему знанию из-за их отдаленности от жизни, тогда как переживание последней является для человека постоянным и повседневным фактом. Поэтому он стремится сократить и спрямить путь, который ведет от мысли к действию, и лучшим руководителем для этого является здравый смысл, сочетающий в себе ясность и простоту в понимании реального мира, с четким ориентиром, которым выступает общая польза.

Для здравого смысла характерно:

- доверие к непосредственно воспринимаемому, очевидному, и подозрительное отношение к голословным суждениям;
- осторожность, избегание рисков, предпочтение «синицы в руках журавлю в небе»;
- консерватизм в отношении к нововведениям, если они не продиктованы жизненной необходимостью;
- чувствительность к попыткам обмана, понимание того, что тебя пытаются обмануть;
- понимание того, что привлекательность внешности (формы) еще не гарантирует качества содержания;
- соразмерность между желаниями и возможностями;
- неприятие антропоцентризма, стремление к выстраиванию гармоничных отношений с окружающей средой;
- сознание человеческой конечности, вера в существование надчеловеческой инстанции.

Во взаимоотношениях между людьми выражением здравого смысла считается «золотое правило» нравственности: поступай по отношению к другим так, как ты хочешь, чтобы они поступали по отношению к тебе. Французский антрополог Моисей Мосс, в «Очерке о даре» [13, с. 134-285] описывает практику взаимного обмена подарками, распространенную у народов, ведущих традиционный образ жизни, и утверждает, что этот обмен основывается на врожденном большинству людей чувстве обязанности по отношению к тем, от кого получил в дар вещь, услугу или помощь.

Здравый смысл особенно хорош как руководитель по обустройству совместной жизни людей и решению возникающих при этом трудностей, поскольку опирается на обобщенный удачный индивидуальный и коллективный опыт. Аристотель приписывал эту функцию «фронезису», который определял как практическую рациональность, способность находить правильное решение именно для данной конкретной ситуации, в отличие от теоретической рациональности, представленной наукой и ориентированной на поиск универсальных ответов.

Заключение

Здравый смысл – это то, в чем нуждается современная политика, хозяйственная жизнь, межчеловеческие отношения и культура, находящиеся в плену умозрительных конструкций, которые, перефразируя модного сегодня писателя Виктора Пелевина, представляют собой индивидуальные и групповые программы выживания, авторы которых пытаются обхитрить друг друга. Необходимость возвращения концепта «здравого смысла» в современную социальную науку и практику диктуется стремлением «... сделать науку значимой в плане результатов и сделать значимой (понимаемой) для людей» [1, с. 73]. То, что называют «правым поворотом» в политике государств, гордящихся своим либеральным прошлым, на самом деле является возвращением к здравому смыслу как опорной точке в трясине эмерджентной неопределенности. Это возвращение можно уподобить перезагрузке, после которой произойдет реанимация нормальности, то есть состояния, когда значение будет придаваться цветам, а не оттенкам, когда слова будут приближены к делам, когда граница между добродетелью и пороком станет отчетливо видной, признаваемой и одобряемой большинством здравомыслящих людей. Иными словами – это отрезвление.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артамонова, Ю. Д. Возвращение «sensus communis» в современные стратегии социогуманитарных исследований / Ю. Д. Артамонова // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 73-82.
2. Артемьева, О. В. «Sensus communis» в опыте человеческих отношений. URL : https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/03_03_2016/communis-sensus.pdf
3. Ван ден Аккен, Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после пост-модернизма. Пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова] / Р. Ван ден Аккен. М. : РИПОЛ классик, 2020. 342 с.
4. Вико Джамбаттиста Основания Новой науки : Пер. с итал. / Вико Джамбаттиста. М.-К. : «REFL-book» – «ИСА», 1994. 656 с.
5. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики. Т. 3 / Г. В. Ф. Гегель. М. : Мысль, 1972. 373 с.
6. Деланда, М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность. пер. с англ. К. С. Майоровой / М. Деланда. Пермь : Гиле Пресс, 2018. 170 с.
7. Келли Кевин. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. Пер. с англ. / Кевин. Келли. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 460 с.
8. Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство. В: Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. / К. Н. Леонтьев. СПб. : Наука, 1991. 363 с.
9. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. Кн. I, 16.
10. Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. Под редакцией М. Л. Гаспарова. Москва, Издательство «Наука», 1972. 471 с.

11. Маркова, А. С. Метамодернизм : преодоление дискретности и индивидуализма / А. С. Маркова, Г. И. Мамукина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 89-98.
12. Маск оценил риски, что искусственный интеллект убьет человечество. URL : <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6542c4769a79478f1d339afb> (дата обращения: 16.01. 2025).
13. Мосс, М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А. Б. Гофмана. М. : КДУ, 2011. 416 с.
14. Павлов, А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм / А. Павлов // Логос. 2018. № 6. С. 1-19.
15. Печчеи, А. Человеческие качества. Пер. с англ. / А. Печчеи. М. : Прогресс, 1985. 313 с.
16. Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. М. : Мысль, 1993. 528 с.
17. Талейб, Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости / пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова; под ред. М. Тюнькиной. М. : Колибри, 2009. 528 с.
18. Тернер, Люк. Манифест метамодерниста. URL : <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (дата обращения: 05.01.2025).
19. Хлыщева, Е. В. Метамодерн как новое мировидение: синтез массового и элитарного / Е. В. Хлыщева // Вопросы элитологии. 2021. № 2. С. 10-21. Doi: <https://doi.org/10.46539/elit.v2i2.60>
20. Эсхил. Агамемнон. Пер. С. Апта. Фр. 390.
21. Cartwright, Nancy. The Dappled World. A Study of the Boundaries of Science. Cambridge University Press, 2008. 247 p.
22. DeLanda, Manuel. Philosophy and simulation: the emergence of synthetic reason. – Continuum International Publishing Group. London – New York, 2011. 221 p.
23. Johnson, Steven. Emergence: The Connected Lives of Ants, Brains, Cities. – New York, Scribner, 2001. 288 p.
24. Timotheus Vermeulen & Robin van den Akker (2010) Notes on metamodernism, Journal of Aesthetics & Culture, 2:1, 5677, DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677. URL: <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677> (дата обращения: 14.04. 2024).

REFERENCES

1. Artamonova, Ju. D. Vozvrashhenie «sensus communis» v sovremennye strategii sociogumanitarnykh issledovaniy // Dialog so vremenem. 2020. № 71. S. 73-82 (in Russ).
2. Artem'eva, O. V. «Sensus communis» v opyte chelovecheskih otnoshenij. URL : https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/03_03_2016/communis-sensus.pdf (in Russ).

3. Van den Akken, R. *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma*. Per. s angl. V. M. Lipki; vstupit. st. A. V. Pavlova]. M. : RIPOL klassik, 2020. 342 s. (in Russ).
4. Viko Dzhambattista *Osnovaniya Novoj nauki*: Per. s ital. M.-K.: «REFL-book» – «ISA», 1994. 656 s. (in Russ).
5. Gegel', G. V. F. *Nauka logiki*. T. 3. M. : Mysl', 1972. 373 s. (in Russ).
6. Delanda, M. *Novaya filosofiya obshhestva. Teoriya assambljazhej i social'naja slozhnost'*. per. s angl. K. S. Majorovoj. Perm': Gile Press, 2018. 170 s. (in Russ).
7. Kelli Kevin *Neizbezhno. 12 tehnologicheskikh trendov, kotorye opredel'jajut nashe budushhee*. Per. s angl. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2017. 460 s. (in Russ).
8. Leont'ev, K. N. *Vizantizm i slavjanstvo*. V: *Rossija glazami russkogo*: Chaadaev, Leont'ev, Solov'ev. SPb : Nauka, 1991. 363 s. (in Russ).
9. Mark Avrelij Naedine s soboj. *Razmyshlenija*. Kn. I., 16. (in Russ).
10. Mark Tullij Ciceron *Tri traktata ob oratorskom iskusstve*. Pod redakciej M. L. Gasparova. Moskva, Izdatel'stvo «Nauka», 1972. 471 s. (in Russ).
11. Markova, A. S. *Metamodernizm : preodolenie diskretnosti i individualizma* / A. S. Markova, G. I. Mamukina // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Serija: *Russkaja filologija*. 2019. № 1. S. 89-98. (in Russ).
12. *Mask otsenil riski, chto iskusstvennyy intellekt ub'et chelovechestvo*. URL : <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6542c4769a79478f1d339afb> (data obrashcheniya: 16.01. 2025).
13. Moss, M. *Obshhestva. Obmen. Lichnost'*. *Trudy po social'noj antropologii* / Sost., per. s fп., predislovie, vstupit, stat'ja, kommentarii A. B. Gofmana. M. : KDU, 2011. 416 s. (in Russ).
14. Pavlov, A. *Obrazy sovremennosti v XXI veke : metamodernizm* // *Logos*, 2018. № 6. S. 1-19. (in Russ).
15. Pechchei, A. *Chelovecheskie kachestva*. Per. s angl. M.: Progress, 1985. 313 s. (in Russ).
16. Platon *Sobranie sochinenij v 4-h tomah*. T. 2. M. : Mysl', 1993. 528 s. (in Russ).
17. Taleb, N. N. *Chjornyj lebed'*. *Pod znakom nepredskazuemosti* / per. s angl. V. Son'kina, A. Berdicevskogo, M. Kostionovoj, O. Popova; pod red. M. Tjun'kinov. M. : Kolibri, 2009. 528 s. (in Russ).
18. *Terner, Ljuk. Manifest metamodernista*. URL : <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (data obrashhenija 05.01.2025). (in Russ).
19. Hlyshheva, E. V. *Metamodern kak novoe mirovidenie: sintez massovogo i jelitarnogo* // *Voprosy jelitologii*. 2021. № 2. S. 10-21. Doi: <https://doi.org/10.46539/elit.v2i2.60> (in Russ).
20. Jeshil. *Agamemnon*. Per. S. Apta. Fr. 390 (in Russ).
21. Cartwright, Nancy. *The Dappled World. A Study of the Boundaries of Science*. Cambridge University Press, 2008. 247 p.

22. DeLanda, Manuel. Philosophy and simulation: the emergence of synthetic reason. – Continuum International Publishing Group. London – New York, 2011. 221 p.
23. Johnson, Steven. Emergence : The Connected Lives of Ants, Brains, Cities. – New York, Scribner, 2001. 288 p.
24. Timotheus Vermeulen & Robin van den Akker (2010) Notes on metamodernism, Journal of Aesthetics & Culture, 2:1, 5677, DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677. URL : <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677> (data obrashcheniya: 14.04. 2024).

Информация об авторе

Сергей Георгиевич Чукин, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, ул. 1-я Красноармейская, 1, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, chukin_serгей@hotmail.com, ORCID 0000-0002-1033-8182, SPIN-код: 6613-9427, AuthorID: 475304

Information about the Author

Sergey G. Chukin, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Baltic State Technical University “Voenmeh” named after D.F. Ustinov, 1st Krasnoarmeyskaya St., 1, 190005, Saint Petersburg, Russian Federation, chukin_serгей@hotmail.com, ORCID 0000-0002-1033-8182, SPIN-cod: 6613-9427, AuthorID: 475304.

Для цитирования: Чукин С. Г. Поиски очередного «-изма»: к вопросу о философской идентификации современной эпохи // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 1 (15). С. 7-24. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N1.pdf.